

ЗАКОНЫ АНАЛОГИИ И АНОМАЛИИ В ЯЗЫКЕ

(К вопросу о формировании теории языковой нормы
в античной языковедческой традиции)

Современная теория языковой нормы вобрала в себя многое из опыта разных традиций, но главным образом она строится на том европейском опыте, который имеет своими истоками античную (средиземноморскую) языковедческую традицию, сложившуюся в греко-латинском культурном ареале в VII в. до н. э. – VI в. н. э. [История лингвистических учений 1980].

Дух демократизма, свободных философских дискуссий, отсутствие единого государственного авторитета в рассмотрении проблем происхождения языка и в вопросах языкового нормирова-

ния определяли условия развития языковедческой мысли Древней Греции. В отличие от древнеиндийской традиции, объявившей санскрит сакральным языком «божественного происхождения», греко-латинская традиция искала источники «правильности» речи в самом языке и в логике познания мира через язык. На базе этих поисков возник античный спор «об аналогии и аномалии», в котором особенно отчетливо проявились расхождения между «стоическим» и «александрийским» направлениями. Так, *Кратет Малосский* известен своей «теорией аномалии», кото-

рую он противопоставил «теории аналогии» Аристофана Византийского, выдвигая на первый план самопроизвольную эволюцию языка вместо рационально-устанавливаемых различий. Об аномалии писал и стоик *Хрисипп*. В итоге сложилась традиция описания языка как системы аналогических форм: выведение одних форм из других *по аналогии* в виде правил, снабжение их примерами из литературных текстов, разделение примеров на подтверждающие правила и на подтверждающие исключения – аномалии (греч. *anomalía* – ‘несогласие’).

Дискуссия о «правильности имен» разделила древнегреческих мыслителей на два враждующих лагеря и привела к формированию двух основных направлений: 1) *physei* («по природе»), т.е. название определяется природой предмета; 2) *nomó* («по закону») или *thesei* («по установлению»), т.е. название представляет собой продукт соглашения между людьми, являясь произвольным и никак не связанным с сущностью предмета. Основоположниками этих концепций считаются два крупнейших представителя древнегреческой философской мысли – *Гераклит* из карийского города Эфеса и *Демокрит* из Абдеры.

Гераклит Эфесский, один из первых диалектиков античной философии, высказал идею **всеобщего движения, непрерывного изменения, становления** (ср. его афоризмы «Все течет, все изменяется», «Даже солнце каждый день новое»). Другим важным понятием философии Гераклита является *logos* – «необходимость», «закон», «мудрость» – общий для всех закон, правящий миром. Слова (*logos*), по мнению Гераклита, есть **создание природы**, для каждой вещи природа определила свое имя, подобно тому, как каждому предмету определено его восприятие: «У всего существующего есть правильное имя, врожденное от природы... одно и то же у всех» [Античные теории... 1936, 87]. Каждое имя неразрывно связано с той вещью, названием которой оно служит. В именах раскрывается сущность вещей, поэтому название отражает природу обозначаемой вещи, подобно тому как горы отражаются в реке, а человек – в зеркале.

Демокрит, впервые в истории философии создавший развернутое учение о познании, напротив, возражал Гераклиту по поводу «природной» обусловленности названия и вещи, считал «имена» (названия) условными обозначениями пред-

метов, приводя знаменитые четыре доказательства этому. Вещи обозначаются словами исключительно **согласно обычаю, по установлению людей**. В противном случае трудно объяснить такие факты, как полисемия, синонимия, случаи сознательного переименования названий, отсутствие словесных обозначений для целого ряда вещей.

Эпикур, расхившийся с Демокритом в вопросе о происхождении языка, считал, что названия вещам даны природой, обусловлены, подсказаны природой. В письме “К Геродоту” он утверждает зависимость языка от условий жизни людей и роль природных факторов в возникновении и развитии языка: «Далее надо полагать, что сами обстоятельства (предметы) научили и принудили человеческую природу делать много разного рода вещей и что разум (мысль) впоследствии совершенствовал (развивал) то, что было вручено природой, и делал дальнейшие изобретения – в некоторых областях/случаях быстрее, в некоторых – медленнее, в некоторые периоды и времена делая большие успехи, в некоторых – меньшие. Вот почему и названия первоначально были даны вещам (возникли) не по соглашению (уговору), а от природы. А так как каждый народ имел свои особые чувства и получал свои особые впечатления, то и сами производимые этими людьми звуки бывали разными и непохожими, причем влияла также разница между народами в зависимости от места их жительства. Впоследствии у каждого народа с общего согласия были даны вещам свои особые названия. Кроме того, вводя некоторые предметы, ранее не виданные, люди, знакомые с ними, вводили и некоторые звуки для них: в некоторых случаях они были вынуждены произнести их, а в некоторых выбрали их по рассудку согласно обычному способу образования слов и таким образом сделали их значение ясным». В этом письме Эпикура нельзя не признать гениальной высказанную идею о том, что функционирование и развитие языка подчиняется различным закономерностям в зависимости от условий жизни людей, в зависимости от культурного уровня общества, которому язык принадлежит.

Обобщает спор о «законах аналогии и аномалии» в языке *Платон*, создатель первого классического учения объективного идеализма (идеи, т.е. мысли, представления о вещах, – первичны,

вечны и неизменяемы; вещи – подобие и отражение идей, вторичны, изменчивы, конечны). Платон считал, что главное – это признание того, что в языке заложена глубокая внутренняя целесообразность, а не произвольная прихоть. Он признает не прямые, а отдаленные связи слова с предметом и допускает возможность употребления имен по привычке и договору. С одной стороны, слово далеко не всегда отражает сущность предмета; с другой – полная случайность связи между словом и предметом сделала бы невозможным человеческое общение. Подлинно правильный язык может существовать только «в идее» (в сознании), вначале между звуками слова и обозначаемыми понятиями должна была существовать внутренняя связь; однако затем от этих «правильных» первоначальных слов было образовано такое множество других, что внутренняя связь между звуком и значением уже затемнилась и закреплена она благодаря сложившейся традиции.

В конечном счете, эта дискуссия не привела к определенным результатам, но имела положительное значение для развития языкознания. В ходе этих споров формулировались и первые лингвистические наблюдения. Так, *Продик* первым занялся проблемой синонимов, а софист *Протагор* выдвинул проблему языковой нормы (наиболее известны его сочинения “Аналогии”, “Истина”). Вся позднейшая грамматическая теория развивалась под знаком аналогизма.

Подлинным основоположником античной языковедческой традиции является виднейший мыслитель античной Греции *Аристотель*. В предложенной им системе наук язык стал предметом изучения логики («диалектики»), грамматики и риторики. Считая, что углубление в поиски «природных» свойств слов тормозит развитие формально-логических исследований, позволяющих оперировать словами как символами, Аристотель защищает условную связь между «вещью» и ее «именем», а также между словом и представлением, которому соответствует слово, между звуками и буквами. Вместе с тем он предупреждает об опасности злоупотреблений словами, проистекающей из их многозначности (сюда включаются и омонимия, и полисемия) [Якушина 1984].

После Аристотеля существенный вклад в формирование основ лингвистической теории внесли философы эллинистического периода (III – I вв.

до н. э.), особенно ученые Древней Стои, крупнейшего философского и лингвистического центра Греции, – основатель стоицизма *Зенон* из Китиона, *Хрисипп*, *Августин*, *Диоген Вавилонский* и др. Деятельность стоиков связывается главным образом с разработкой понятия «аномалия» как несоответствия качества предмета и грамматического значения его имени, наблюдаемого в основном в сфере пола-рода и числа. Будучи сторонниками концепции «фюсей» и считая, что слова изначально истинны и отражают действительную природу обозначаемых ими вещей, стоики поставили задачу, исследуя слова, вскрыть их истинную природу – этимон (по-гречески – ‘истина’). По мнению *Августина*, «сами вещи воздействуют так же, как слова: *mel* (мед) – как сладостно воздействует на вкус сама вещь, так и именем мягко действует на слух; *acre* (острое) – во всех отношениях жестко; *lana* (шерсть) и *vepres* (терн) – каковы для слуха слова, таковы и для осязания». Это согласие, созвучие, ощущение вещи с ощущением звука стоики считали основой наименования, происхождения слов. В речевом акте стоики различали «обозначающее» (звук человеческой речи) и «обозначаемое», иначе «высказываемое» (*lekton*), т.е. смысловую сторону речи, лежащую между звуком и мыслью. Они отмечали также неодинаковость обозначаемого в разных языках при одинаковости мысли у всех людей.

Философско-психологические аспекты языка не остаются вне поля внимания и представителей Александрийской школы грамматики. В первую очередь, объектом изучения здесь стал вопрос о том, существует ли в языке какая-либо закономерность («аналогия») или же все зависит от «капризов употребления», часто не совпадающих с общими правилами («аномалия»). Если поднявшие эту проблему пергамские философы-стоики *Кратет Малосский* и *Секст Эмпирик* утверждали, что господствует в языке именно закреплённая употреблением «аномалия» и отдавали предпочтение языковой/речевой случайности, то александрийцы были сторонниками принципа «аналогии» как основы описательно-классификационной и нормализаторской деятельности, т.е. считали, что в языке господствует регулярность. Язык обладает регулярным характером и, описывая его слова и формы, необходимо, исходя из соответствующих принципов, указывать на случаи их неправильного употребления.

Вероятно, это обстоятельство предопределило тот факт, что именно с александрийской традицией оказалось связанным создание систематических грамматик (хотя рядом с регулярными правилами – «аналогиями» в них отмечались и всякого рода отклонения от них – «аномалии»). Александрийцы *Аристофан Византийский*, особенно авторитетный в языковедческих проблемах *Аристарх Самофракийский* прослеживали языковые регулярности на материале классических текстов, стремясь отделить «правильные» формы от «неправильных», выдвигая на этой основе принцип аналогии.

Традиции Александрийской школы были продолжены в Древнем Риме. Так, из эллинистической Греции были перенесены в Рим дискуссии «об аномалии и аналогии» (в духе споров, которые велись между Пергамом и Александрией), о происхождении языка, «природной» или «условной» связи слов и обозначаемых ими предметов. Так, *Марк Теренций Варрон* описывает морфологические явления с позиций участника дискуссии между «аномалистами» и «аналогистами». Он различает склонение (*declinatio*) естественное (словоизменение), опирающееся на «общее согласие» и на «закон аналогии», и произвольное (словообразование), где преобладает воля отдельных людей и царит «аномалия». *Варрон* делает тонкие замечания в адрес аномалистов по поводу соотношения грамматического рода и биологического пола, числа грамматического и числа предметов. Он настаивает на необходимости исправления «аномалий» в словоизменении при их санкционировании в области словообразования.

В последние десятилетия до н. э. к проблемам языка обращаются многие римские писатели, общественные и государственные деятели – *Луций Акций*, *Гай Луцилий*, *Марк Тулий Цицерон*, *Тит Лукреций Кар*. Трактат *Гай Юлия Цезаря* «Об аналогии» представляет собой попытку разработки принципов грамматического описания и нормирования языка, являясь одновременно свидетельством актуальности проблем «правильности» латинской речи и государственного нормирования языка; составляются и обсуждаются программы нормализации латинского языка, предложенные *Плинием Старшим* и *Марком Фабием Квинтилианом*.

Появление в эпоху становления латинского литературного языка понятия нормы языка и речи,

пожалуй, было самым значительным приобретением общеисторического значения, поскольку языковому сознанию родо-племенного строя это понятие было совершенно не свойственно. Так, главной заботой предшествующего периода римского языкознания было усвоение тематики и проблематики греческой культуры; выразительные же средства латинского языка были еще весьма несовершенны; язык не знал стилистической разработки, в нем беспорядочно соседствовали архаические выражения древних жрецов и законодателей с новомодными греческими словечками, бытовые и просторечные обороты – с торжественными поэтическими речениями. Необходимо было упорядочить эту пестроту, унифицировать средства литературного языка. Главная заслуга в нормализации латинского языка принадлежит римскому оратору *Цицерону*, известному своими наставлениями: «Поэтому, раз есть определенный говор, свойственный римскому народу и его столице, говор, в котором ничто не может оскорбить наш слух, вызвать чувство недовольства или упрек, ничто не может звучать на чуждый лад или отзываться чужеземной речью, то будем следовать ему и учиться избегать не только деревенской грубости, но также и чужеземных особенностей». Его опорой в этом была теория трех стилей – высокого, среднего и простого (18 веков спустя, решая аналогичную задачу стилистической нормализации русского языка, к этой теории и к опыту Цицерона прибегнет М.В. Ломоносов). В греческой же риторике эта теория имела лишь вспомогательное значение, но для Цицерона она стала одной из основных, позволив ему систематизировать запас слов, форм и синтаксических связей латинского языка применительно к различным стилям и функциям речи.

Римские законодатели речи считали правильностью речи ее *urbanitas*, т.е. соответствие говору города Рима, а неправильностью *rusticitas* – черты сельских говоров Рима и *peregrinitas* – диалектные черты других областей. Несколько позднее, когда письменные образцы правильной речи были уже созданы и им можно было обучать, другой римский литератор, *Марк Квинтилиан*, писал: «*Urbanitas*..., по моему мнению, означает речь образцовую по словам и произношению, по употреблению это как бы неотъемлемый вкус города (Рима), и приобретает она безмолвным обучением – из разговора образован-

ных людей (т.е. подражанием речи образованных людей), словом, противоположность ее составляет *rusticitas*» [Донских 1984, 38]. Основой для стилистического отбора были обычаи разговорной речи образованного общества («вежество», *urbanitas*), подспорьем – греческие грамматические «теории аналогии и аномалии»; но спорных вопросов оставалось много, и они служили предметом живейшего обсуждения и полемики. Так, *Цезарь* выступал поборником «принципа аналогии», а *Цицерон* – «принципа аномалии».

Таким образом, в трудах античных грамматистов отмечаются истоки диалектического понимания «аналогии», противопоставленной понятию «аномалии». Оба эти понятия отражали крайние точки зрения на вопрос о том, насколько регулярен язык. Формы, объясняемые действием аналогии, трактовались как обнаруживающие «соразмерность значения и выражающей его формы», как регулярные; отклоняющиеся от них и не обнаруживающие указанных свойств – как аномальные. Аналогисты искали в языке правильные образцы классификации форм и ввели в

научный обиход понятие парадигмы, образца; аномалисты указывали на существование в языке многочисленных форм, для объяснения которых рассуждения об аналогии были неприменимыми; видами аномалий они считали омонимию, синонимию и некоторые другие явления. Поскольку нерегулярность в языке может быть выявлена только на фоне регулярности, вопрос о том, что такое регулярное правило и исключения из него, продолжает оставаться актуальной проблемой и в современном языкознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные теории языка и стиля. М., 1936.
2. Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984.
3. История лингвистических учений. Древний мир / Под ред. А.В. Десницкой, С.Д. Кацнельсона. Л., 1985.
4. Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974.
5. Фрейденберг О.М. Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
6. Якушина Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.